

А. А. Добряк

ГОВОР ПОТОМКОВ ЧЕРНИГОВЦЕВ В НИЖНЕ-ТАГИЛЬСКОМ РАЙОНЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

(К вопросу о взаимодействии диалектов восточнославянских языков)

Переселенцы из Черниговской губернии появились на территории бывшего Нижне-Тагильского горного округа в первой четверти XIX в., спустя столетие после массового заселения района выходцами из северных губерний России. Одновременно с черниговцами на Урал переводились крепостные крестьяне из других южных губерний — Тульской, Орловской и Рязанской. Переселение их было вызвано потребностями в новой рабочей силе в связи с открытием золотых и платиновых месторождений в Нижне-Тагильской заводской даче. Выходцы из южных губерний частично были поселены в старых заводских поселках и подзаводских деревнях, частично образовали новые селения. Так черниговцы оказались в близком соседстве с севернорусами в Лайских заводских поселках (Большая Лая), в деревнях Северной¹ и Елизаветинской, с севернорусами и туляками — в поселке Висимо-Шайтанского завода (Висим), с туляками, орловцами и москвичами в деревне Никольской (Покровка или Салка)², с севернорусами и рязанцами — в селе Николо-Павловском. Черниговцы же стали основателями нового населенного пункта — села Воскресенского (современное село Шиловка)³. Оно было построено в конце 20-х годов XIX в. вблизи Вилуйского золотого прииска на старозаводской дороге, соединяющей Нижне-Тагильский завод с Краснопольской слободой, в двадцати четырех километрах от Нижнего Тагила.

Задачей данной статьи является, во-первых, определение исход-

---

¹ По современному административному делению входит в Верхне-Салдинский район Свердловской области.

² В скобках дается современное название населенного пункта.

³ Сведения о расселении черниговцев взяты из ревизской сказки Нижне-Тагильского завода 1850 года. Нижне-Тагильский городской архив, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 982.

ной основы говора потомков черниговцев и, во-вторых, характеристика его современного состояния в селе Шиловка.

Говор черниговцев в этом селе сохранил архаические черты в большей степени, чем в других пунктах, что объясняется однородным составом его населения. Но оторванный от родной стихии почти полтора века назад, окруженный говорами другого языка, он не мог не претерпеть изменений, которые явились результатом двойного влияния — старожильческого севернорусского говора, с одной стороны, и литературного языка — с другой. Степень этого воздействия может быть определена только при условии установления исходной системы говора.

Жители села Шилówki называют себя «хохлами». Однако их говор даже в своей основе не может быть отнесен к украинскому языку⁴.

Сведения, извлекаемые из ревизских сказок Нижне-Тагильского завода и села Воскресенского⁵, позволяют точно установить, откуда шло переселение черниговцев на Урал. Метрополией для села Шилówki послужили селения Печенюг, Стахорщина, Багриновка, Буда, Смячи, Воробьевка, Лариновка, Архиповка, Костободра, Шептаково, Ждановка, Новгород-Северского уезда, село Радомка и Слободка Старогутинская Сосницкого уезда Черниговской губернии.

Однако и наличие этих фактов не дает еще возможности определить характер исходного говора, так как на территории бывших Новгород-Северского и Сосницкого уездов пересекаются изоглоссы всех восточнославянских языков. На карте МДК 1915 г. северозападную часть Новгород-Северского уезда занимают северо-восточные белорусские говоры, две трети всей территории — говоры, переходные от украинского к белорусскому языку. В Сосницком уезде представлены переходные украинско-белорусские и североукраинские говоры⁶. При этом следует учесть, что характеристика черниговских говоров в «Опыте...» основана на сведениях конца XIX —

---

⁴ По-видимому, название «хохлы» вызвало неточность в установлении Г. А. Турбиным этнической принадлежности черниговцев, переселившихся в 1863 году из Нижне-Тагильского горного округа на Южный Урал, — «потомки черниговских украинцев», «тагильские украинцы». (См. работу «К лингвистической географии Южного Урала» — В кн.: Вопросы истории и диалектологии русского языка, Магнитогорск, 1961, стр. 76.)

Несколько осторожнее подходит к определению происхождения черниговцев Е. А. Комшилова: «Название «хохлы» потомков крестьян, переведенных в Б. Лаю из Черниговской губернии, позволяет предполагать наличие здесь украинской речи. Однако аканье и сильное по своему типу яканье свидетельствует о большой сложности определения этой группы жителей Б. Лая». «Вопрос о характере исходного говора так называемых «хохлов» и в Висиме, как и Б. Лае, требует особого исследования». (К вопросу о связях русских народных говоров Сибири и Урала. — Ученые записки Красноярского пед. института, т. 25, вып. 3. Красноярск, 1963, стр. 206, 210.)

⁵ Нижне-Тагильский городской архив, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 679, 982, 1007.

⁶ Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915, см. карту и очерк, стр. 47—54.

начала XX в., а переселение на Урал происходило в начале XIX в. В течение столетия могли произойти определенные сдвиги в диалектном составе метрополии.

Сопоставление архаических особенностей современного шиловского говора с чертами, характеризующими каждую из групп, представленных на территории Новгород-Северского и Сосницкого уездов, говорит о большей близости изучаемого говора к северо-восточным белорусским говорам. Точнее определить характер исконной системы позволяет нам исследование П. А. Расторгуева «Северско-белорусский говор»⁷. Северско-белорусским назван говор бывших северных уездов Черниговской губернии — Стародубского, Мглинского, Суражского, Новозыбковского — и говор западной полосы Трубчевского уезда бывшей Орловской губернии (не Новгород-Северского и не Сосницкого уездов!). Современный шиловский говор в своих *архаических* особенностях обнаруживает почти полное единство с говором, описанным П. А. Расторгуевым. Общими чертами северско-белорусского и шиловского говоров являются следующие:

1. В соответствии с исконной фонемой *а* произносится *о* в словах: *насОдим*, *дОрим*, *плОтим*, *брОнятца* и др. родственных⁸.

2. На месте древнерусского «ять» под ударением представлено *е*: *лЕтъм*, *нарЕжу*, *бЕлай*, *сибЕ*, *нядЕли*, *сѣдѣЕльна* и т. д.

3. Результаты лабиализации *е* представлены под ударением перед исконно твердым согласным и в конечном открытом слоге: *вярЕвка*, *абмЕт*, *рябЕнѣк*, *свЕктѣр*, *ряшОтка*, *шОст*, *всЕ*, *гвззѣдЕ* и т. д. По аналогии с твердой разновидностью имен существительных или местоимений *о* произносится в формах творительного падежа единственного числа имен существительных: *зямлЕй*, *питярнЕй*; дательного, творительного и предложного падежей единственного числа местоимений: *Ей*, *сваЕй*, *всЕй* и др. *О* представлено также в форме 3-го лица единственного числа глагола быть — *Есть* и в глагольных формах 2-го лица множественного числа настоящего и будущего простого времени: *пѣмѣжытЕ*, *привизитЕ*, *убирутЕ* и др.

Не наблюдается результатов изменений *е* в *о* перед согласными, отвердевшими позднее (шипящими, *р*, *ц*): *прпѣЕш*, *даЕш*, *адЕжа*, *смЕрз*, *сЕрп*, *вЕрх*, *выдЕргивать*, *мѣладЕц* и др., а также в форме родительного — винительного падежей единственного числа личнo-указательного местоимения *ее* и в слове *еще*.

⁷ П. А. Расторгуев Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927.

⁸ По техническим причинам все примеры даются в упрощенной транскрипции. Буквы *е*, *ѣ*, *я*, *ю* используются для обозначения звуков *э*, *о*, *а*, *у* после мягких согласных и для передачи йота в сочетании с этими гласными. *Э* обозначает гласный *э* в начале слова и после твердых согласных, *ѣ* передает гласный переднего ряда, звучащий во 2-й позиции на месте *а* и *о*; *ь* обозначает мягкость согласного в конце слова и перед другим согласным. Буква *з* передает заднеязычный фриктивный звонкий согласный. В сочетаниях *оу*, *ѣу*, *ау*, *яу*, *уу*, *иу*, *еу*, *у* передает *у* неслоговое на месте *в* и *л*. Ударный гласный обозначается прописной буквой.

4. Древнерусские напряженные *ы, и* изменились в гласные *ы, и*: *иыбѣя, злыбѣй, пий, лий* и т. д.

5. Безударный вокализм после твердых согласных характеризуется недиссимилятивным неполным аканьем с *а* слабо редуцированным во второй позиции, после мягких согласных — яканьем: *санОг, пасУда, лахАньки, пирагИ, пасылАли, назывАли, плясАли, завялА, у лясАх, зъвясѣдА, пѣшкОм* и т. д.

6. Безударные *и, у* в начале слова редуцируются, переходят в неслоговые звуки и могут полностью исчезнуть: *умерлА⁹, звЕсна, зредкА, гОлка* и др. Отпадение начального гласного наблюдается и в словах *ще* (еще) и *гарОд* (огород).

7. Звонкие согласные в конце слова и перед глухими согласными не оглушаются: *стОуб, бАбка, лѣбѣдка, кнИжка* и т. д.

8. Нет прогрессивной ассимиляции заднеязычных согласных по мягкости.

9. Губные согласные в конце слова и перед йотом твердые: *сын, семѣя, вабѣю¹⁰* и др.

10. Сочетания *бы, пы, мы, вы* изменились в *би, пи, ми, ви*: *бик, пиль, ви, ми, мить* и т. д.

11. Согласный *в* в положении после гласного перед следующим согласным и в конце слова переходит в *у* неслоговое: *деуки, прауда, кроу*.

12. Губной фриктивный глухой согласный *ф* в иноязычных словах заменяется сочетанием *хв*, реже согласным *х*, в единичных случаях *п*: *Хведька, кохта, Просѣя*. На месте исконного сочетания *хв* появился *ф*: *фастать, фалить* и др.

13. *Л* изменилось в *у* неслоговое в древнерусском сочетании редуцированного непременного ряда с плавным между согласными и в глагольных формах прошедшего времени мужского рода: *стоуб, заругауса* и др.

14. В возвратных глаголах 2-го лица единственного числа настоящего и будущего простого времени и представлены результаты регрессивной ассимиляции: *сагнессѣ, бярессѣ* и др.

15. Сочетания переднеязычных согласных с йотом изменились в долгие мягкие переднеязычные: *лю, судѣя, ночно, платѣя* и т. д.

16. Перед начальными *о, у* выступает протетический согласный *в*: *вутка, возира, вокны*, перед *а* — фриктивный *г*: *гарбуз*.

17. Флексия — *у* в родительном и предложном падежах единственного числа существительных мужского рода 2-го склонения употребляется шире, чем в русском литературном языке.

18. Существительные среднего рода типа *имѣя* потеряли наращение и склоняются по 2-му склонению.

19. Существительные мужского рода в именительном падеже

⁹ Здесь *у* передает *у* неслоговое.

¹⁰ Ъ указывает только на твердость согласного и не передает краткого гласного.

множественного числа не имеют окончания — *а*: *дамЫ, лясЫ* и др.

20. Существительные среднего рода твердой разновидности в именительном падеже множественного числа имеют окончание *ы*: *паЛотны, вЁслы, рЁбры, балОты* и др.

21. Существительные, употребляющиеся только в форме множественного числа, в именительном падеже имеют окончание — *и* (*ы*): *дрОви, варОты* и др.

22. С окончанием — *ы* в именительном падеже множественного числа употребляются существительные *сынЫ, братЫ, сватЫ*.

23. В именительном падеже множественного числа некоторые существительные, обозначающие детенышей животных, имеют усложненный суффикс: *катинЯты, мышанЯты*.

24. Не сохранились древнерусские звательные формы.

25. Русским литературным словам *мать, дочь, свекровь, церковь, морковь* соответствуют — *мАтка, дачкА, свякрУха, цЭрква, мОрка*.

26. Личные и возвратные местоимения в родительном — винительном падежах единственного числа имеют окончание — *е*: *менЕ, тебЕ, себЕ*.

27. Лично-указательные местоимения в именительном падеже имеют начальный йот: *Ён, янА, янО, янЫ*.

28. В окончании родительного падежа единственного числа местоименного склонения представлен заднеязычный фрикативный согласный *г*: *магО, магО, дОбръга, нЕрвага* и др.

29. Указательным местоимением русского литературного языка *тот, та, то* соответствует *тЭй, тАя, тОе*.

30. Глаголы 1-го спряжения в 3-м лице единственного числа употребляются без *т* при безударном окончании, при наличии ударения на окончании возможно *т* мягкое: *знАа, нясЕ, нясЕть*; глаголы 2-го спряжения при безударном окончании не имеют *т*, при ударном окончании обязательно выступает *т* мягкое: *кУня, лЮбя, лжЫть* и др.

31. В форме 3-го лица множественного числа при безударном окончании глаголы 2-го спряжения совпадают с глаголами 1-го спряжения: *пИлють, гавОрють* и т. д.

32. Глаголы с основой на заднеязычный согласный в формах настоящего и будущего простого времени и повелительного наклонения сохраняют заднеязычный: *пЯкЕш, пЯкИте* и т. д.

33. Сложная форма будущего времени глагола образуется только со вспомогательным глаголом *буду*.

34. Инфинитив имеет суффикс — *ть*: *рОсть, нЕсть, пЕкть, грЕбть* и др.

35. Для выражения вопроса используется частица *ти*.

36. Существительные женского рода с подвижным ударением в литературном русском языке в сравниваемых говорах сохраняют ударное окончание и в форме винительного падежа единственного числа: *рукУ, вадУ* и т. д.

Рядом особенностей шиловский говор отличается от северско-белорусского:

1. В северско-белорусском говоре согласный *р* перед *е*, *и*, твердый¹¹, в шиловском — перед *е* только мягкий, перед *и* наблюдается колебание в его качестве: *рысь* и *рись*, *рыжий* и *рижий*, *Марына* и *Марина*, *грыби* и *гриби*.

2. Все шипящие и *ц* в северско-белорусском говоре твердые, долгому мягкому глухому шипящему литературного русского языка соответствует *шч*, есть аффриката *дж*¹². В шиловском говоре твердыми являются только *ж*, *ш*, *ц*; *ч* — мягкое, есть долгие мягкие шипящие *щ* и *жж*, нет аффрикаты *дж*.

3. В шиловском говоре нет никаких следов дзеканья и цеканья.

4. Отсутствуют результаты второй палатализации заднеязычных в падежных формах существительных. Однако северско-белорусский говор в отношении двух последних явлений не представлял единства¹³. Можно предполагать отсутствие этих черт и в исходной основе шиловского говора.

В своем труде П. А. Расторгуев приводит отличительные признаки говоров Новгород-Северского и Сосницкого уездов, южных соседей северско-белорусского говора. В них, наряду с аканьем, представлено смещение неударяемых *а* и *о*; согласные перед *е*, *и* отвердели; на месте древнего «ять» — *и* или дифтонги; дифтонги же и на месте *о*, *е* в закрытых слогах; твердое *р* во всех положениях^{14–15}. В шиловском говоре нет никаких следов этих явлений, хотя, казалось бы, он должен стоять ближе к новгород-северскому и сосницкому говорам, а не к северско-белорусскому. Это противоречие снимается интересным замечанием того же исследователя. П. А. Расторгуев, основываясь на наблюдениях А. Ф. Шафонского над языком «Малой России» конца XVIII в., приходит к выводу, что Новгород-Северский и Сосницкий уезды в конце XVIII в. по языку не отличались от северных уездов Черниговской губернии. Перечисленные выше отличительные особенности говоров этих уездов есть результат позднейшего влияния, шедшего с юга. Таким образом, в эпоху переселения черниговцев на Урал (начало XIX в.) на территории Новгород-Северского, Сосницкого, Стародубского, Суражского, Мглинского, Новозыбковского уездов был представлен единый тип говора, названный П. А. Расторгуевым северско-белорусским. Этот говор, по мнению исследователя, является особым говором белорусского языка, отличающимся от северо-восточного белорусского диалекта, так как ему присущи черты, обязанные своим происхождением влиянию украинского языка (сохранение звонких согласных перед глухими и в конце слова, наличие *ви*, *ми*, *би*, *пи* на месте *вы*, *мы*, *бы*, *пы*). На наш взгляд, точнее видеть в этом говоре не

¹¹ П. А. Расторгуев. Указ. соч., стр. 42.

¹² Там же, стр. 54.

¹³ Там же, стр. 50–52.

^{14–15} Там же, стр. 187.

особый говор белорусского языка, а переходный говор, совмещающий в себе особенности всех трех восточнославянских языков. Таким был черниговский говор, принесенный на Урал в начале XIX в.

В современном шиловском говоре любое исконное явление сосуществует с заимствованным из литературного русского языка или окружающих диалектов¹⁶. Архаические элементы неодинаково представлены у различных носителей диалекта, что определяется внеязыковыми факторами — степенью грамотности, контактами с владеющими литературным языком, связями с городом и т. д. Но и в речи одного лица исконные явления используются неравномерно — в выражении одной категории они преобладают, другой — уступают заимствованным. Тенденцию к более быстрому исчезновению обнаруживают явления, не связанные системными отношениями.

Наименьшему воздействию подверглась система вокализма. Наличие вариантов *дОрят* и *дАрят*, *зЫй* и *зЮй*, *пИй* и *пЕй*, *привядЕш* и *привядЁш* и подобных, при преобладании вторых, новых, не изменяет исконной структуры ударного вокализма, характеризующегося пятифонемным составом и параллельными чередованиями сильных гласных фонем, а лишь ведет к постепенному исчезновению лексикализованных и морфологизованных отклонений от нормализованного языка. Упорнее в говоре сохраняется *е* в соответствии с *а* в глагольных формах с основой на шипящий: *кричЕть*, *кричЕл* и др., что поддерживается наличием этого явления и в соседнем старожильческом севернорусском говоре Урала¹⁷. В говоре сохраняется исконная структурная особенность безударного вокализма — неразличение гласных неверхнего подъема. Однако система сильного яканья уже разрушена, так как слабая гласная фонема, в которой слились гласные неверхнего подъема, реализуется не только в звуке *а*. В результате внешнего воздействия в этой позиции появились *е* и *и*. Употребление любого из этих вариантов не зависит ни от качества соседних согласных, ни от качества следующего ударного гласного, что свидетельствует об определенной ступени в процессе дефонологизации фонетических свойств безударных гласных.

Более значительны изменения в области согласных. В исходном говоре были слабо выражены соотносительные связи у глухих — звонких согласных, так как для них позицией нейтрализации являлось только положение перед звонким согласным, где они реализовались в общем варианте — звонком: *разбАвить*, *казьбА*, *аддадИм*, *аджывАть*.

Максимально различались глухие и звонкие согласные не только

---

¹⁶ Материал для статьи получен в результате анализа магнитофонной записи говора (2000 м со ск. 9 см/сек), сделанной автором летом 1965 года.

¹⁷ Считаем это явление исконным для шиловского говора, так как оно представлено и в современных говорах в районе Новозыбова и Трубчевска, где также был северско-белорусский говор. (См.: Русская диалектология. М., 1964, стр. 257).

перед гласными, сонорными, но и в конце слова и перед глухими согласными: *хлЕб* — *аслЕп*, *сУд* — *абмѣт*, *давѣз* — *нАс*, *рОж* — *кладЕш*; *абАбки* — *стрЯпки*, *лябѣдка* — *ряшОтка*, *кнИжка* — *дЕвушка* и т. п.

В современном шиловском говоре наблюдается переход к неразличению глухих — звонких в двух последних позициях, где они выступают в глухом варианте: *пОгрен*, *карОф*, *гОт*, *рАс*, *вапчЕ*, *блИска*, *нямнОшка*, *дЕних* и др. Случаи оглушения звонких согласных в говоре еще редки, но они уже свидетельствуют о начале формирования новых системных отношений в области согласных.

Намечающиеся новые соотносительные связи глухих — звонких согласных способствуют более последовательному прохождению других процессов. Так, в черниговском говоре в соответствии с древнерусскими предлогами *из* и *с* был один предлог *з*, выступавший в любом положении: перед гласными, сонорными, перед звонкими и глухими согласными. Сейчас перед глухими согласными употребляется предлог только в виде *с*: *с пАлкай*, *с карОвай* и др., хотя в других случаях нет последовательного оглушения *з*: *блИзка* и *блИска*, *бярѣзка* и *бярѣска*. Это, очевидно, результат усвоения из русского литературного языка предлогов *с* и *из* (последний еще очень редок). Последовательному употреблению предлога *с* перед глухими способствует уже начавшийся фонетический процесс оглушения согласных. Перед сонорными же согласными и *в* предлог выступает то в виде *с*, то — *з*, так как по фонетическим условиям в русском языке в этой позиции может быть и глухой и звонкий. Поэтому здесь и нет еще окончательного вытеснения старого предлога *з*: *з ЛЮбай* и *с ЛЕНкай*, *з рЕчки* и *с рабОты*, *з Етай* и *с Етим*, *з МАя* и *с мУжѣм*, *з восьмнАтцати* и *с вязАньем*.

В архаической системе говора слабо противопоставлялись твердые и мягкие губные согласные. Позицией различения было только положение перед гласными *а*, *о*, *у*: *баУшка* — *рябЯта*, *сярпАм* — *пЯть*, *вАша* — *ЛитвЯк*, *кѣмарОв* — *пѣдмятАла*, *падбОр* — *лябѣдка*, *пОзна* — *капѣн*, *вОспу* — *авѣс*, *лОму* — *врЕмю* и т. д.

В положении перед *е*, *и* губные не различались, выступали только как мягкие: *бЕднай* — *на сталбЕ*, *пИл* — *пИль* (пыль) и др. В конце слова губные были только твердыми: *стОуб* — *гОлуб*, *Ем* — *сЕм*.

В современном говоре вследствие влияния русского языка появились параллельные формы; *бИк* и *бЫк*, *памИть* и *памЫть*, *сярпИ* и *сярпЫ*, *вИрвала* и *выРвала*, *сЕм* и *сЕмь*. Это приводит к тому, что положение конца слова и перед *и* начинает становиться сильной позицией для мягких-твердых губных согласных.

Процесс усвоения новых элементов говором вначале может иметь лексикализованный характер. Так, проникновение в шиловский говор *г* взрывного было вызвано усвоением из литературного русского языка и севернорусского говора ряда слов с этим звуком: *грАм*, *гарАж*,

вагОн, гидрАвлик, грамафОн, гранАта, гираИня, шАньга, гАшник, и др. Сейчас употребление *г* взрывного начинает выходить за рамки заимствованной лексики, распространяется и на исконные слова. В случае оглушения *г* изменяется в *к* только в заимствованных словах или формах: *шАнек, стирекчИ* и подобных. В исконной же лексике как результат оглушения представлено только *х*: *нОх, дрУх* и др., что говорит о начальной стадии отхода от лексически ограниченного усвоения *г* взрывного.

Рассмотренные новые элементы в шиловском говоре — следствие воздействия литературного русского языка и севернорусского говора, сходных в этих чертах.

В исследуемом говоре обнаруживаются и результаты влияния только со стороны смежных диалектов. Инодиалектные явления могут существовать в говоре в виде параллельных вариантов, но могут и полностью вытеснить исконную особенность. Примером первого типа служит история форм инфинитива в говоре. Исконнодиалектным является инфинитиф с суффиксом — *ть*: *рОсть, тЕрть, грЕбть, умЕрть, бЕрть* (брать), *пЕкть, бярЕгть* и др. Для глаголов с основой на заднеязычный в качестве активных параллелей выступают формы типа *пекЧи, стирякчИ*. Они заимствованы из старожильского севернорусского уральского говора. Об их чуждости исконной системе говорит и результат оглушения *г* взрывного в формах *стирякчИ, бирякчИ*. Литературные формы типа *печь, стечь* не встретились.

Полное вытеснение старой особенности новой инодиалектного происхождения наблюдается в форме творительного падежа множественного числа всех имен. Исконной системе говора было свойственно различие форм дательного и творительного падежей множественного числа¹⁸. Совпадение этих форм в форме дательного — черта, присущая всем говорам Нижне-Тагильского района, за исключением говоров орловского происхождения. В говоре потомков черниговцев это явление уже окончательно сложилось, оно охватило все имена — существительное, прилагательное, числительное — и местоимение: *типЕрь сярпАм ня жнУть; хмилявИм дражжЯм заквАшнваю; за двУм сталАм; за нАм* и др. В говоре представлены и формы творительного падежа множественного числа, совпадающие с литературными, но они очень редки. На наш взгляд, это не остатки старых отношений, а элементы нового качества, возникающие под влиянием нормализованного языка, так как различающиеся формы дательного и творительного падежей встречаются у тех лиц, чья речь содержит меньше архаических явлений, и, напротив, в речи лиц, где в большей степени сохраняются исконные явления, отсутствуют указанные формы¹⁹.

¹⁸ П. А. Расторгуев. Указ. соч., стр. 85—86.

¹⁹ Ограниченный размер статьи не позволяет показать все результаты воздействия русского языка на шиловский говор.

Выводы

1. В основе говора села Шиловка Нижне-Тагильского района Свердловской области лежит переходный говор, соединяющий особенности всех трех восточнославянских языков.

2. Архаическая система говора, сохранившаяся в своих основных чертах, подверглась воздействию как литературного русского языка, так и старожильческого севернорусского говора.

3. В результате воздействия в говоре сосуществуют исконные элементы и заимствованные.

4. Наличие в диалекте параллельных вариантов в выражении любой категории говорит о том, что проходит интенсивный процесс разрушения всех сторон исходной системы.